

Янина БАЛЬТАЗ

Пока ты по лестнице вверх, смахивая чердачную паутину,
время есть.
Тебя можно назвать этим именем или тем,
или совсем другим.
И птица смотрит с предпоследней ветки –
в её темных глазах
отражается гора, которую ты никогда не видел.

В твоих волосах, наверное, песок.
В сумерках не видно как ты одет.
А может сейчас утро – золотое и безлюдное,
и поливалки гонят прочь пыль.
Тёмный бархат асфальта тонок –
такое красивое тоже было у всех,
но не все смогли.

Ты уже открыл эту дверь – и дело тут не в смелости.
твоё отсутствие –
и ты уже в нём живёшь.
С каждым построенным этажом вокруг меньше воздуха
и здесь его не настичь.
Чтобы расслышать плач среди бетона
ты раздаёшь все свои картины, или поёшь.

У остальных в этом доме плотные шторы.
Кто за дверьми – люди, собаки
или кошки, готовящиеся стать людьми?
Никто уже не задаёт вопросы. А птица на предпоследней ветке
тебе отвечает – как её расслышать?
Высоко и низко меняются местами –
на обочине, на перекрёстке, прямо на этой улице.

двадцать четыре
золотые нити
протыкают светом землю
и дом пылает в темноте,

Янина Бальтаз родилась в 1982 в Петербурге. Долгое время жила в Австралии, с 2012 года проживает на границе Швейцарии и Франции. Стихи публиковались в сетевых изданиях «Полутона» и «Формаслов».

яблоко последнее на ветке
весною станет первым

исправлен путь
железо никакое
дорогу не удержит –
дней взгляды за спиной,
сейчас
с круглым глазом конь худой
во мне пасётся

там кровь,
в не-пустоте
мелькание какое-то
уже на изнанке
следы и счастье
вышитые в тёмно-синем времени

и руки
не выдерживают
выпуклостей пустоты
никто не говорит
откуда и зачем
звезда
на колокольню у канала светит.

они пришли утром
говорят вот тебе ржавый нож или любое другое
у тебя ночью родился цветок – возврати как было

они обрубали себе пальцы
безымянные и указательные
пока ломали моё поле

чтобы не гнило они принесли йод
и здесь, наконец, пахнет морем

голубоглазый цветок на недоступном маяке –
я его радист

они называли себя поэты и лекари,
но слишком долго кровоточили
теперь их дверьми стали – сломанные цветы

тупые инструменты будут ржаветь на дне –
наш дом, где некому включать свет

Площадь Пьера Лафю

Дети катают в чашках
колючие клубки
из навсегда
и того, что наступит
научились моргать
«Мама, я хочу пить!» –
тепло ищут.

Они лезут на пьедестал
бронзового солдата
ломают свои ногти
хрустят
листьями-позвонками
долго глазают в урну –
там спит утро.

Сутулый сквер остановил бег
окна домов вокруг
врут – внутри никого нет
он ничего не успел
его тело пересобрано грубо
надломленная сабля у глаз –
тайком с неё капли слизывать.

Дети говорят:
«У меня красивое имя, но я его забыл»
зарубки на металле звенят –
эта сабля убила меня и коня,
сквозь бедро проходя пела
тысячи лет назад
и вчера

жадно
терзают капли дождя
солдата
и кто-то закричал
«Мама!»

я возвращалась домой с зеркалом –
было тяжело
в его деревянной раме шептались пауки
и тлели угли

нам кто-то открыл дверь домой
там было тепло и пахло по-другому
незнакомая рука протягивала на тарелке пирог

разводы на потолке были чисто выбелены
в коридоре молчало овальное пятно
и плотно вошёл гвоздь в спину стены

тихо закрыв за собой дверь,
мы с зеркалом отвернулись и вышли.

ты проезжаешь мимо всегда будешь проезжать
перевозишь своих детей и будешь перевозить пока есть ты
и дети
они щебечут
и ты поворачиваешь на зелёный
и у пешехода, который навстречу тебе,
тоже зелёный
и вот вы встретились
взглядами
и есть дальше, и дети едят хлеб

время ржавеет и стекает разноцветными линиями на дорогу
кто-то водой и губкой затирает силуэты, сердца и буквы
ты возвращаешься, чтобы прочертить линии
будешь возвращаться, чтобы надавить мелом ещё сильнее
то, что утекло на опустевшую дорогу
то, что будет исчезать
пока твои дети есть, пока дети едят хлеб
ты возвращаешься выключаешь светофора зелёный свет
и мальчик на переходе остаётся ждать
пока мимо проносится смерть.

самой маленькой в городе птице снится сон –
это такая редкость

каждое утро среды и пятницы
мимо гнезда на сером деревце

везут везут везут –
сколько их?

хилая птица, не повезло тебе –
неправильное дерево выбрала

рядом со скотобойней
они даже не знают, что пение есть.

куцая птица просыпается в хлипком гнезде
ветки до крови накололи бока

она поклялась, что перестанет
ненавидеть и спать

неназванным сквозь прутья по средам
травинку, по пятницам – ли ли ла

и может случится так,
и следующий год настанет –

если гнездо будет,
а крики неслышимых нет?

об этом надо подумать –
палки песни ключья космос рты и рёбра

отважное
бездонное
гнездо

что ещё может
самая маленькая в городе птица?

я выпцарапала себя из горизонта
высекла из камней, что лежали
полные силы
из заката по капле выжала –
и не было предчувствия
и был последний день

гладкая кожа песка
сбивает с толку –
он лжёт
белая акула кружит на волнах
белый маяк стоит на холме
и ладная косточка наверх катится
кругло

у меня закончились листья, на которых я считала
сколько прошло дней,
какого цвета у них были глаза,

записывала свои адреса –
в одном доме было
двенадцать окон

и луна уступила солнцу
шрамы на ладонях
от первого восхода на земле
медсестра посоветовала силиконовый пластырь
чтобы зажили раны
разве мы это заслужили?
воде меня оставь

под ступнями тлеет лёд
сломанные механизмы –
машины люди
где
на самый край света
надо

маяк, маяк забери косточку
позови меня
обними меня –
я дышу теперь
я знаю

у этого неба особенный запах
особая высота
под ним не страшно –
нужно
уходить под этим небом –
будто седая к земле склонилась голова

пустые пещеры –
мы там были
в пути хруст травы резал стопы
мы ненавидели, освобождались, почти летели
деревья слонами стояли в земле
красная земля –

а мы пришли с пустыми руками
птица-зверь, смейся!
мать-зверь, кровь мне вылей
на грудь сильней дави
отдели и сосчитай кости –
есть лишняя

дай мне, дай мне камнем быть!
сделай меня заново
заново под этим небом.

замершую кожу не согреет
на пуху пальто
слезящимся глазам на перекрёстке
очки больше не подходят

мельтешение монет и лиц
выхлопные газы
он один
и по колено в соли

плоскость
сломаннее чем обычно
материнские цветы
забыли речь

вот он день
на кончике иглы.